чен к татарам, как казалось М. С. Грушевскому; он сообщает о «мятеже» у татар (стр. 570), и М. С. Грушевский напрасно — текст не дает для этого ни малейшего основания — объявляет это сообщение «позднейшим добавлением» к Повести.

На мой взгляд, никак не может быть принято и построение В. Т. Пашуто.

Факт существования особой «летописи князя Василька Романовича» В. Т. Пашуто не доказан. Исследователь прав, когда утверждает, что тот отрывок Волынской летописи, где он ищет следов этой «летописи Василька Романовича» (стр. 560—574), составлен во Владимире сторонником князя Василька. Данный отрывок действительно «отражает претензии Василька Романовича на руководящую роль в юго-западной Руси»; [8] князь Данил Галицкий здесь действительно означен, в рассказе о свадьбе во Владимире Ольги Васильковны с Андреем Черниговским, как «брат Василков» (пояснение, понятное в устах владимирского летописца); рассказ о походе Василька и сына его Владимира на Литву в 1262 г., очень возможно, действительно составлен «современником и очевидцем» этого похода.[9] Но отсюда еще не следует, что отрывок этот мог быть составлен только при дворе князя Василька — при его жизни или вскоре же после его смерти (Василько Романович умер в 1269 г.). Он с равным успехом мог быть составлен и позже — при дворе Владимира Васильковича. Ничего невероятного в этом нет. Летописец Владимира Васильковича, продолжая летопись Данила Галицкого, мог поставить себе ту же цель, что и предполагаемый В. Т. Пашуто «придворный» летописец Василька Романовича. Владимир был сыном Василька и его преемником на владимирском столе. Не менее своего отца он был, конечно, заинтересован в том, чтобы его «придворный» летописец — епископ Евстигней или кто-либо из его окружения, как думает В. Т. Пашуто, — в должном свете показал роль и значение Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси. Около 1290 г., когда был, по предположению В. Т. Пашуто, составлен «летописный свод» епископа Евстигнея, сделать это в ретроспективном плане было даже легче: время Василька Романовича уже отходило в прошлое, становилось достоянием истории. Ссылка В. Т. Пашуто на то, что события княжения Василька излагал «современник и очевидец», также не убедительна. Если епископ Евстигней около 1290 г. мог описать события 1269 г. (вступление Владимира Васильковича на княжеский стол), то он мог описать и события 1258—1259 гг.

Не убеждает и предложенная в исследовании В. Т. Пашуто реконструкция этой предполагаемой им «летописи Василька Романовича». Возникла она, по утверждению В. Т. Пашуто, как непосредственное продолжение холмской летописи Данила Галицкого: конец последней владимирский летописец, по словам В. Т. Пашуто, вкорне переработал,[10] систематически «вклинивая куски» то ли собственного текста, то ли какой-то бывшей у него под руками особой «владимирской хроники» (это неясно в изложении В. Т. Пашуто).

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. является, полагает В. Т. Пашуто, именно тем местом в тексте Галицко-Волынской летописи, где впервые отчетливо заметна эта операция. Уже это первое положение В. Т. Пашуто вызывает недоумение. Почему именно здесь? Только потому,

---

[8] В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 109.

[9] В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 104—105.

[10] Последний след летописи Данила Галицкого в составе Волынской летописи В. Т. Пашуто предположительно усматривает в рассказе о княжеском съезде 1262 г. в Тернаве (стр. 567). (См.: В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 102).